

Специальный номеръ
„ИСТОРИЧЕСКІЙ“

НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 6

ЦѢНА ОТД. № въ розн. продажѣ 75 к. и на ст. жел. дор. 85 к.

МАРТЪ 1918

ОКНО ВЪ ЕВРОПУ — ТЕПЕРЬ.

Рис. А. Радакова.

306 кн
1918 №
Гос.
Публичная
Б-ка
ИЗДАТЕЛЬСТВО

**ПЕТРЪ I — ДА, ТЕПЕРЬ
ВИЖУ, ЧТО ОКНО
ВЪ ЕВРОПУ ЗАБИТО
ПЛОТНО!**

ЭТО БЫЛО!

Слышенъ стукъ и размѣрный и грозный,
Онъ несется по скифскимъ степямъ,
Въ край славянъ, гдѣ средь ночи морозной
Слышны пѣсни веселымъ богамъ.
Гдѣ съ Ярилою борется вьюга,
Гдѣ такъ зеленъ весенній нарядъ.
Онъ несется съ далекаго юга,
И звучить, какъ побѣдный набатъ
То Олегъ щитъ, славянства ограду,
Прибываетъ къ вратамъ Цареграда.
Византиецъ, и персъ, и германецъ

Ему внемлять забывши покой,
И славянскаго корзна багрянецъ
Оттѣненъ черноморской волной.

Слышенъ стукъ и размѣрный и грозный,
Онъ звучить, какъ угрюмый набатъ
Это гробъ, гробъ Россіи свободной,
Забиваетъ германскій солдатъ.
И внимаешь ему равнодушно
Славянинъ безконечно послушный.

А. Радаковъ.

ИСТОРИЯ ОЛЕГОВА ЩИТА.

Фельетонъ Арк. Бухова.

Пока у Олега не было щита—не было и заботы о томъ, куда бы его прибить. Но судьба играетъ человѣкомъ и въ одно ненастное древне-славянское утро Олегъ, самъ того не замѣчая, къ глубокому унынію ближайшихъ родственниковъ очутился со щитомъ.

— Братцы,—виновато сказалъ онъ, разведя руками—что-же это? За что-же это? Что я теперь съ нимъ дѣлать буду?

А щитъ лежалъ одиноко и сурово, какъ вещественное доказательство славянской силы и могущества и требовалъ, чтобы его прибили къ подходящему мѣсту.

— Прибей—настаивали родственники.

— И прибью—согласился Олегъ.

На семейномъ совѣтѣ стали совмѣстно придумывать мѣсто. Олегъ долго упрашивалъ, чтобы его пустили недѣли на двѣ прибывать щитъ въ одну сосѣднюю деревушку на сваяхъ, гдѣ жила одна интересная славянка съ большими національными скифскими задатками.

— Прибью и приѣду—уговаривалъ Олегъ.—Еще римляне говорили: безъ щита, или совсѣмъ не набо. И никому отъ него, проклятаго, безпокойства не будетъ. Щитъ не собака—съ гвоздя не сорвется.

Быть можетъ родственники и согласились-бы на это,

тѣмъ болѣе, что щитишко былъ обыкновенный, облупленный и никто на него не зарился, но среди нихъ оказался одинъ пьяный богатырь, который рѣшительно потребовалъ, чтобы щитъ былъ прибитъ къ вратамъ Царьграда.

До прибытія варяговъ, славяне природнымъ умомъ не отличались и спорить съ пьянымъ человѣкомъ было некому.

— Городъ, какъ городъ и ворота, хорошія—согласились родственники—всякому щиту лестно.

Хорошо еще, что въ то время не было Парижа, иначе Олегу пришлось-бы со щитомъ и съ заграничнымъ паспортомъ ѣхать туда прибывать щитъ къ воротамъ, а Пушкинъ волей-неволей долженъ былъ-бы написать:

— Вотъ ѣдетъ въ экспрессъ Олегъ нашъ въ Парижъ,
Съ нимъ щитъ въ небольшомъ чемоданѣ...

Но народъ тогда былъ нетребовательный и на Царьградѣ всѣ помирились.

— Нашли дѣло...—проворчалъ Олегъ.—Пристроили мальчика... Ѣзди теперь со щитомъ, прибывай его...

Съ этого момента задачей, и при томъ неотложной, cadaго славянина сдѣлалось прибываніе къ царьградскимъ воротамъ Олегова щита.

Турки быстро примирились съ этимъ рѣшеніемъ и, перестраивая и украшая царьградскія ворота, всегда оставляли одно мѣсто пустымъ. Иностранцы очень удивлялись.

— Что это у васъ кирпичи, либо известки не хватаетъ, что ли?

— Не полагается сюда ничего. Здѣсь русскіе щитъ прибавать будутъ.

— Когда еще?

— Ихъ дѣло когда, а прибить — прибьютъ. Настойчивый народъ. О нихъ даже въ учебникахъ сказано: глаза у нихъ голубые, волосы русые и характеръ — упрямый. Рѣшили прибить — и кончено.

И дѣйствительно, не было ни одной власти въ Россіи, которая бы не стояла съ гвоздемъ въ зубахъ, съ молоткомъ въ одной рукѣ и со щитомъ въ другой, готовая сразу начать прибавать его. Для тѣхъ славянъ, которые непосредственно не могли принимать въ этомъ участіе, во всѣхъ увеселительныхъ мѣстахъ были выставлены турки, сохранившіеся еще до сихъ поръ: за три копейки можно бить турка по головѣ, а стрѣлка показываетъ сколько пудовъ вѣситъ ударъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ простѣйшихъ видовъ выявленія русскаго устремленія на Ближній Востокъ.

Понявъ наконецъ, что славянское желаніе насчетъ щита и воротъ непреодолимо какъ флюсъ, европейскіе дипломаты рѣшили придти Россіи на помощь. Русскаго посла въ Царьградъ поселили около самыхъ воротъ, чтобы онъ по утрамъ могъ непосредственно на мѣстѣ вымѣрять большимъ аршиномъ необходимое мѣсто на воротахъ, а сами, покорно вздохнувъ, занялись организаціей торговли, проведеніемъ дорогъ и вооруженіемъ Турціи.

— Ну какъ со щитомъ-то? — изрѣдка спрашивали они у русскаго дипломата. — Мѣрете?

— Черезъ двѣ недѣли всему конецъ — радостно отзывался тотъ — только пыль съ него стряхнуть осталось... Не извольте беспокоиться, если молоткомъ стучать будемъ...

— Будьте любезны. Можетъ помочь прикажете?

И помогали приколачивать Олега щитъ европейцы образцово. Едва только, прямые наследники Олега пошевеливали веселымъ щитомъ, какъ европейскіе дипломаты всячески старались успокоить турокъ, чтобы они не волновались. Имъ дарили броненосцы, инструкторовъ, оружіе, устраивали займы. И странно — чѣмъ больше ихъ успокаивали такими подарками, тѣмъ труднѣе становилось прибить щитъ.

Славянская пресса, у которой отъ правды не осталось ни голубыхъ глазъ, ни русскихъ волосъ, а одно только упрямство, уже начинала подумывать о томъ, не лучше ли будетъ, если турки сами принесутъ свои ворота и у насъ, на мѣстѣ, прибьютъ ихъ къ щиту.

Турки упорно не несли воротъ.

— Восточная лѣнь — опредѣляла славянская пресса — Персы — тѣ бойчѣ. Имъ дай семь рублей и Станислава, они тебѣ всѣ свои плоскогорья и возвышенности въ Тамбовскую губернію принесутъ.

Наконецъ въ самое послѣднее время заботу о щитѣ взялъ на себя Милюковъ. Это былъ самый упрямый славянинъ послѣдняго столѣтія и ежегодно онъ уѣзжалъ по лѣтамъ въ Царьградъ, чтобы привыкнуть къ тамошнимъ воротамъ.

Турки пѣли незамысловатую пѣсенку — „Какъ у нашихъ у воротъ...“ — и молчали. Милюковъ же, пилъ и спалъ на щитѣ, пока наконецъ въ одинъ прекрасный день проснувшись, не почувствовалъ себя внѣ закона.

— Все законы писати, если ихъ не исполняти — правильно понялъ Милюковъ и уѣхалъ на югъ. Эта поѣздка даже самыми не тактичными газетами не была названа увеселительной.

А по улицамъ уже бѣжали газетчики и радостно дѣлились со слезянами очередной новостью.

— Послѣднія извѣстія... Телеграмма Карахана — уступленъ туркамъ Кардаханъ... Славяне принимали это извѣстіе двояко. Одни увѣряли что по отчету Карахана уступленъ Кардаханъ, другіе наоборотъ утверждали, что извѣстіе прислалъ Кардаханъ, а уступленъ Караханъ. Никто по этому поводу не выражалъ ни горя, ни радости.

Щитъ остался неприбитымъ.

Аре. Бужовъ.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Въ истекшихъ столѣтіяхъ мрачно рѣя,
Блуждая во мглѣ исторической
Я не учитываю паденье Гирея
Наравнѣ съ событіями силы Космической...

Ну прыгаль Суворовъ черезъ вѣнскіе стулья,
Ну бралъ Скобелевъ крѣпости,
Такъ вѣдь не глупый-же какой, молъ, я
Интересъ находить въ такой нелѣпости...

И какое мнѣ дѣло знать подробно,
Какъ удушили Павла Перваго —
Эго даже, простите, неудобно,
Особенно, если слабый нервъ у кого,

Можетъ быть, кому нибудь знать лестно,
За кѣмъ Екатерина бывало волочится,
А мнѣ такъ вотъ нисколько не интересно
И вообще плевать на исторію хочется...

Я человекъ мирной складки,
Всякую бы простить обиду могъ,
Но не желаю лизать съ империалистической латки
Кислое молоко буржуазныхъ выдумокъ.

Интересуетъ меня совсѣмъ иное,
И приготовлена уже для итога графа,
Взять, на примѣръ, цѣну на сало свиное
Въ перспективѣ историческаго кинематографа.

Сейчасъ за фунтъ берутъ рублей десять,
А при Калитѣ за гривенникъ покупали борова —
И полагалось борову съ корову вѣситъ —
За гривенникъ борова — вотъ это здорово!

И занимательно и полезно и просто,
Лошадь съ телѣгой хлѣбомъ груженой,
Покупай за наличные — 1 р. 90,
Да за полтинникъ овецъ обзаведись дюжиной.

За два съ полтиной избу выстрой,
Да воспользуйся подходящимъ поводомъ
И, ежели парень умомъ быстрый,
На остальные открой торговый домъ.

На одну красненькую богатѣи сразу
Брюхо вырасти — я-не-я!
Никогда никакому не подорвать глазу
Великаго благосостоянія.

Наведи себѣ пассивы-активы,
Слѣди дѣловой жизни хлопоты, —
Развѣ подобной исторической перспективы
Никто не одобритъ опыты?

Валентинъ Горяновскій.

МЕЛОЧИ.

„Какъ на Востокѣ аукнется — такъ на Западѣ не откликнется“.

„Нѣмецкій языкъ до Кіева доведетъ.“

„Курица не птица, Петроградъ — не столица“.

„Лежачаго и бьютъ и на чисти дерутъ“.

„Бываетъ худо безъ добра“.

„Худой Миръ хуже доброй Ссоры“.

Собраль Мистеръ Покеръ

УТѢШЕНІЕ — ПОМОЩЬ ПРИ НЕСЧАСТІИ.

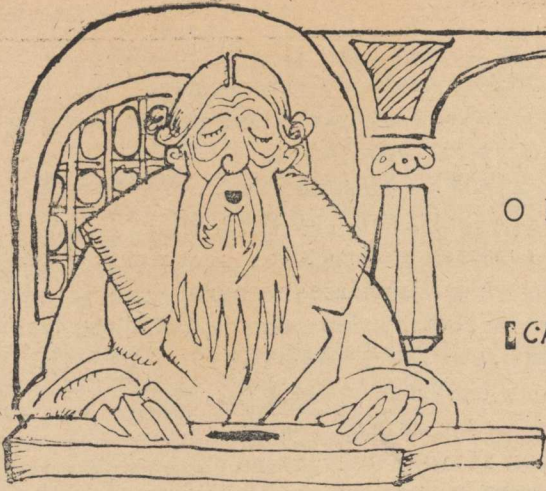
Врагамъ надо оставить только глаза,
чтобы они могли плакать. Бисмаркъ.

Рис. В. Лебедева.

Русскій: — Къ морю-бы... Хоть помыться-бы даль, нѣмецъ...

Нѣмецъ: — Ничего, ничего... Слезами помоешься. Этой жидкости у тебя еще впереди достаточно будетъ...

ОБОЛДУЙ - БОГАТЫРЬ.

Сказка А. Рославлева, иллюстр
Б. Антоновскаго.

Въ нѣкомъ царствѣ, гдѣ дуракъ
Изъ мякины шилъ колпакъ,
Сѣялъ пухъ на косогорѣ,
Дырнемъ—лаптемъ черпалъ море,

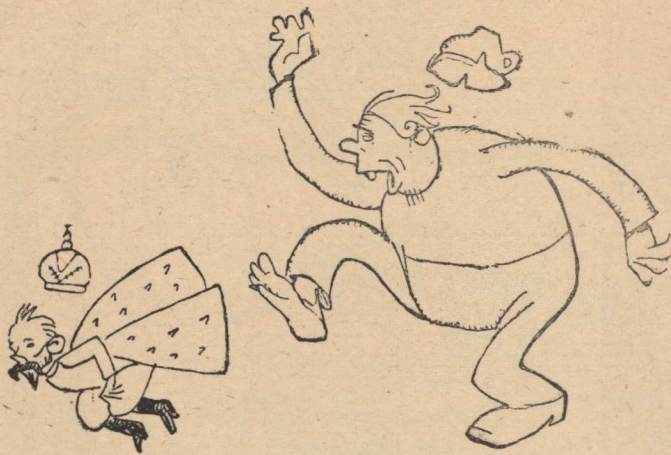

Куръ доиль, полоть козу
Да три года на возу
Просидѣлъ, блоху стегая
И браня и погоня—
Буйно пучась вверхъ и вширь
Оболдуй жилъ богатырь.
Вы възграйте звонче, гусли,
Это царство ужъ не Русь-ли?..
Что за царство—Русь не Русь
Поручиться не берусь.
А какъ сказъ мой поведу я
Про чудилу—Оболдуя
Чай, смекнете вы тогда,
Гдѣ то было и когда...
Оболдуй босой, немыйтй..
На бекрень горшокъ надбитый
И мочалою не зря
Лихо заткнута ноздря.
„Ты хоть носъ утеръ бы что ли“...
„Эко дѣло, до того ли“.
День и ночь онъ впопыхахъ
При царяхъ и при полахъ.
Вспомнить все—себя накажешь,
Во сто лѣтъ не перескажешь.
При Владимірѣ Святомъ
Всѣхъ боговъ своихъ кнотомъ
Отстегавъ царю въ угоду
Что баранъ онъ лѣзетъ въ воду,
Въ дни засилія Орды
Легъ подъ ханскіе зады.
При царѣ Иванѣ Грозномъ
На раздолъицѣ морозномъ

Ложить удалъ онъ свою
Во кулачномъ, во бою,
А при Федорѣ смиренномъ,
Во усердіи отмѣнномъ
Упостясь, подъ долгій звонъ
За поклономъ бьетъ поклонъ.
При Петрѣ въ камзолъ рядится,
Не крестясь за столъ садится
И веселію не радъ
На нѣмецкій пляшетъ ладъ...
Ублажая Катерину
Онъ взбиваетъ ей перину
(Богатырь...—и стыдъ и смѣхъ)
Для ночныхъ ея утѣхъ.
Годъ за годомъ хуже, хуже...
Оболдуй кряхтитъ и тужить
И пеняетъ на свое
Оболдуево житье:
Что ни царь,—то жметъ и сучить,
Все тюрмой да палкой учить
И—работой, такъ что потъ
Съ Оболдуя ливнемъ льетъ—

Ѣсть солому, пьетъ водицу.
Третъ съ натуги поясицу,
Но все пучась вверхъ и вширь
Только крѣпнетъ богатырь.
Въ брюхѣ кукишъ, брюхо голо
А на царствѣ царь Никола.
Такъ себѣ плохой царекъ
И ума-то съ ноготокъ.
Просто сдуру, аль что чую
Снарядилъ онъ Оболдуя
Тесакомъ, пустой мошной
И на нѣмца шлетъ войной.
Оболдуй три года бьется
Кровь изъ ранъ ручьями льется,

И, куда ни ступить онъ,
Вражья рать со всѣхъ сторонъ—
Домекнулось Оболдую,
Что попалъ въ бѣду лихую,
Что самъ царь иль казначей
Нѣмцу другъ и любодѣй.
Оболдую терпѣнью,
Оболдую смиренью
Въ тѣ поры пришелъ конецъ
И встряхнулся молодецъ.
Далъ пинка Царю Николѣ
И пошелъ гулять по волѣ

Александръ Рославлевъ.

ВОЙНА АЛОЙ И БѢЛОЙ РОЗЫ.

Какъ извѣстно, она продолжалась 30 лѣтъ (1455—1485). Вели ея алорозогвардейцы и бѣлорозогвардейцы. Кто изъ нихъ побѣдилъ я не помню, а учебника исторіи подъ рукой у меня нѣтъ. Граждане-буржуи, считайте, что побѣдили бѣлорозогвардейцы! Граждане-пролетаріи, считайте, что побѣдили алорозогвардейцы!

Для меня же, какъ историка, обязательно одно: быть безпристрастнымъ. Не помня, кто побѣдилъ — я не впаду въ привычку всѣхъ историковъ: бѣжать за колесницей побѣдителя.

Воевать 30 лѣтъ—это, какъ говорится, марка! Продолсь у насъ война 30 лѣтъ — каждый деревенскій дворъ былъ бы самостоятельной Республикой. И на околицахъ висѣла бы доска съ кривыми буквами: „Деревня Голодуха. 40 рѣспубликѣ. Мускаво полу 115 душъ. Женска полу 177 душъ“.

Не помню, какой миръ былъ подписанъ по окончаніи войны Алой и Бѣлой розы: похабный или не похабный, во всякомъ случаѣ не демократическій. Знаю это потому, что война шла за обладаніе престоломъ между двумя королевскими домами: между Ланкастерской линіей дома Плантагенетовъ и Йоркскимъ домомъ.

Въ сущности, война была объявлена империалистами империалистамъ, самодержавіемъ первыхъ самодержавію другихъ, а дрались, проливали кровь и умирали гвардейцы. Любой историкъ могъ бы привести подобные факты и изъ позднѣйшей исторіи.

Очень интересно остановиться на вопросѣ: какъ могла Англія выдержать тридцатилѣтнюю войну?

Отвѣтъ довольно простъ: на четвертомъ году войны армія не была еще демобилизована; не было разстройства транспорта, такъ какъ не было еще желѣзныхъ дорогъ; не было паденія рубля, такъ какъ не было усовершенствованныхъ станковъ для печатанія бумажныхъ знаковъ; а главное, между воюющими сторонами шла борьба за власть по одной программѣ: maximum. Заведись у нихъ больше-

съ пѣсней свистомъ и вприплясъ.
Тутъ бы мнѣ и кончить сказъ—
Оболдую-бъ отплясаться,
Да скорѣй за дѣло взяться.
Нѣтъ пригляднаго—въ горшкѣ
На нечесанной башкѣ.
Оболдуй же знай все пляшетъ,
Такъ и сякъ руками машетъ,
Скаля зубы, съ похвальбой:
„Моль смотрите я какой“...
Изъ ноздри виситъ мочала,
Лохмы вѣтромъ растрепало
Да ужъ что сказать—пригожъ:
Сталъ на пугало похожъ.
Въ дороги, всѣ дорожки,
Всѣ пороги всѣ порожки
Позагадилъ—нѣтъ пути,
Ни проѣхать, ни пройти.
Хитрый нѣмецъ догадался
Сзади кошкою подкрался,
Сунулъ палку между ногъ,
Оболдуй скакнулъ и легъ.
Хоть и жаль мнѣ оболдую
Все же сказку доскажу я,—
Оболдую подѣломъ—
Расплясался несудомъ.

вики и меньшевики — война никогда бы не длилась такъ долго.

Мирное англійское населеніе того времени не распалось на большинство и меньшинство, такъ какъ объединилось на одной программѣ, идущей изъ глубины души: „а провалитесь вы всѣ!.. Пусть хоть нѣмецъ придетъ да будетъ порядокъ!.. Нѣтъ силъ жить на 1/8 хлѣба!..“

Военной литературы во время войны Алой и Бѣлой розы не было, начиная со второго года войны, такъ какъ нервы даже выносливыхъ англичанъ пятнадцатаго столѣтія не вынесли ея.

Конечно, участникамъ и свидѣтелямъ этой тридцатилѣтней войны было тяжело лишь первые тридцать лѣтъ, затянись война еще на одно тридцатилѣтіе, къ шестидесятому году войны у нихъ выработалась бы такая же привычка воевать, какъ у насъ, стоять на очереди: на сахаръ, масло, баню, кинематографъ и т. д.

Настоящая война, „Европейская война 1914 года“, несомнѣнно, приблизила наступленіе мира всего міра, такъ какъ то количество войны, которое было, есть и будетъ до гибели Земли послѣ того, какъ погаснетъ Солнце, уменьшилось еще на единицу.

Исидоръ Гуревичъ.

ПРИЗНАКИ.

Въ одномъ англійскомъ семействѣ молодой человѣкъ передавалъ въ разговорѣ содержаніе американскаго уголовнаго разсказа. Заснувшій въ началѣ разсказа и проснувшись къ концу, отецъ семейства, позвывая спросилъ:

— Кончили вы наконецъ свою русскую исторію?

— Почему вы думаете, что это русская исторія?

— А какъ-же—всѣ признаки на лицо: длинно, скучно, нелѣпо и черезъ каждое слово—убійство.

ПРИЗВАНІЕ ВАРЯГОВЪ.

(Лекція, прочитанная въ кружкѣ любителей исторіи).

Милостивыя государыни и милостивые государи!

Вопросъ о призваніи варяжскихъ князей, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ спорныхъ мѣста русской исторіи. Корифеи нашей исторической науки потратили не мало труда для выясненія этого событія, — и все таки единогласія среди ученыхъ нѣтъ. Одни историки утверждаютъ что призваніе варяговъ — подлинный имманентный фактъ, столь же реальный, какъ вращеніе земли вокругъ солнца; а другіе, не менѣе авторитетные изслѣдователи считаютъ призваніе сплошнымъ вымысломъ, сказкой, легендой.

Путемъ упорнаго двадцатипятилѣтняго труда и двадцатипятилѣтнихъ изысканій въ различныхъ архивахъ стараго и новаго свѣта, путемъ изученія египетскихъ пирамидъ, австралийскаго фольклора и греческой трагедіи, мнѣ удалось въ точности выяснитъ эту проблему; въ результатѣ двадцатипятилѣтнихъ трудовъ, я могу, наконецъ, заявить, что пресловутая проблема русской исторіи наконецъ рѣшена и сдѣлалась ясной, какъ форфоровое блюдечко.

Итакъ, призваніе варяговъ изъ области предположеній и догадокъ переходитъ въ область точнаго знанія. Призваніе варяговъ, дѣйствительно, имѣло мѣсто, но произошло оно нѣсколько иначе, чѣмъ объ этомъ рассказываютъ русскіе историки.

...Древніе славяне жили свободно, и пользовались всѣми политическими правами. Партийная жизнь славянъ была очень сильно развита, и уже на зарѣ исторіи Русь имѣла нѣсколько организованныхъ сильныхъ партій. Каждая партія возглавлялась своимъ исполнительнымъ комитетомъ, каждый совѣтъ упирался въ свой Ц. И. К.; словомъ, все было по хорошему.

Однажды группа меньшевиковъ-оборонцевъ кривичей на междурайонномъ совѣщаніи съ правыми эсъ-эрами древлянами вынесла резолюцію о необходимости коалиціоннаго министерства. Это предложеніе вызвало сильный протестъ, и на съѣздѣ киевлянъ, псковичей и вятичей была принята резолюція о необходимости самой жестокой борьбы съ контръ-революционными элементами. Новгородскій совѣтъ собралъ вѣче при помощи традиціоннаго колокола и выпустилъ пламенное возваніе, которое было помѣщено въ видѣ официальнаго извѣщенія на первой страницѣ всѣхъ пролетарскихъ и буржуазныхъ газетъ.

„Аще вороги наши, меньшевики подлые и эсъ-эры измѣнщики кровь пролетарскую ліяхъ, контръ-революцію сотворити и крестное цѣлованіе отвергнуши, будетъ бѣлогвардейскія банды водити. Аще призываемъ всѣ люди противъ нихъ собирашися, и виры не платитъ а головы имъ снимать.“

Возваніе это, подписанное мѣстнымъ главверхомъ, быстро распространилось въ древней Руси. Съ этого момента Русь вступаетъ въ полосу необычайныхъ испытаний и политическихъ потрясеній.

Возваніе главверха, прочитанное на всѣхъ вѣчахъ, производитъ непосредственное воздѣйствіе; смерды, холопы, кабальные, и закупы начинаютъ немедленно проводить программу извѣщенія въ дѣйствіе. Древлянская земля пылаетъ. Хаосъ полнѣйшій...

Нѣкій посадникъ Черновъ безуспѣшно пытается примирить обѣ враждующія стороны, но подъ угрозой самосуда удаляется отъ дѣлъ. Пользовавшіяся большимъ вліяніемъ новгородская посадница Бабушка свержена народомъ, обвинена въ сношеніяхъ съ заморскими гостями. Контръ-развѣдка древлянской земли разгромлена, и всѣ документы безвозвратно погибли.

Итакъ, милостивыя государыни и милостивые государи, вы видите въ какомъ хаосѣ находилась русская земля. Страна раздиралась междоусобіемъ, и отдѣльныя партіи начали выдвигать собственные проекты спасенія русской земли. Всѣ свѣдѣнія о томъ, что въ выработкѣ этихъ проектовъ также принималъ участіе корнетъ Савинъ, ни на чемъ не основаны и въ достаточной мѣрѣ опровергнуты исторической наукой.

Какъ я уже сказалъ, отдѣльныя партіи готовили свои проекты. Вѣче социаль-демократовъ, просовѣщавшихся тридцать часовъ сряду и уставивъ бороды долу предложили спасти Россію путемъ возведенія Мартова въ санъ

патріарха и путемъ изданія новаго партійнаго органа, долженствующаго разъяснять рабочему классу марксистскую точку зрѣнія по вопросу о прибавочной цѣнности. Эсъ-эры центральные — рѣшили перенести засѣданія въ какую нибудь отдаленную волость и отпечатать пятнадцать томовъ полнаго собранія сочиненій посадника Чернова, съ приложеніемъ художественно исполненнаго пояснаго портрета Чернова, а также литографированнаго адреса отъ всея Руси.

Большевики изобрѣли весьма простой способъ спасенія Руси при помощи вселенія пролетаріевъ въ квартиры гостей и людей купеческихъ. Лѣвые эсъ-эры, наоборотъ полагали, что спасеніе земли русской заключается въ изданіи новаго судейника, долженствовавшаго всѣмъ наказанія замѣнить партійнымъ недоверіемъ.

И вотъ въ это тяжелое время нашлись предприимчивые люди, имена которыхъ къ сожалѣнію не сохранились въ общей исторіи, но въ свое время были хорошо зарегистрированы въ анналахъ мѣстныхъ мелкихъ исторій. И тогда явились, варяги, пришли князья, раздѣлили Русь, начали княжить... О дальнѣйшей исторіи Руси вамъ, конечно, все извѣстно, и я не буду утомлять вашего вниманія дальнѣйшими перепитіями древней русской исторіи.

* * *

Милостивыя государыни и милостивые государи, спорная проблема призванія варяговъ выяснена. Примите ее къ свѣдѣнію, и помните о ней. „Исторія,—какъ сказалъ предсѣдатель районнаго комитета дворниковъ и пекарей Иванъ Стукачъ,—штука загвоздистая и сознательная.“

Вор. Мирскій.

ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ.

По свидѣтельству современниковъ, Иванъ Калита — былъ большой шутникъ и весельчакъ. Когда ему въ глаза сказали, что его назовутъ собирателемъ земли русской, онъ хитро подмигнулъ и произнесъ:

— Лстить, братцы, не трудно. А вотъ вы попробуйте подыскать названіе для того, кто раздастъ всю русскую землю...

Современники конфузливо улыбнулись.

* * *

Когда Петръ Великій прорубилъ въ Европѣ окно, одинъ изъ царедворцевъ, бывшій при этомъ, язвительно замѣтилъ:

— Сіе окно узковато. Голову просунуть можно, а корпусъ застрянетъ.

— Мерзавецъ — тонко отвѣтилъ Петръ — придетъ время когда въ него пролѣзутъ и два нѣмецкихъ корпуса, да еще нѣсколько дивизій...

* * *

Александръ Первый былъ человѣкъ глубоко недоверчивый, подозрительный и признавалъ факты только послѣ неопровержимыхъ доказательствъ.

Въ своихъ мемуарахъ графъ Заплевайко пишетъ, что когда Александру сообщили о занятіи французами Москвы, онъ сухо кинулъ:

— Не знаю. Въ газетахъ еще нѣтъ объ этомъ телеграммы отъ Карахана.

* * *

Близкіе Бориса Годунова передаютъ, что когда къ нему въ палаты хотѣлъ ворваться народъ, чтобы повѣсить его, онъ вѣжливо улыбнулся и именно тогда произнесъ фразу, приписываемую ему Пушкинымъ:

— Живая власть для черни ненавистна... Она любитъ умѣть только мертвыхъ.

Такъ каждый Властитель въ Россіи пытался использовать всѣ проявленія активности массъ въ качествѣ доказательства усиленія ихъ любви къ нему и упроченію своей популярности.

* * *

Завоевавъ Сибирь, Ермакъ телеграфировалъ объ этомъ Ивану Грозному. Прочитавъ телеграмму, Грозный подошелъ къ прямому проводу и отвѣтилъ:

— Дуракъ, для японцевъ стараешься...

Өермопилъ Харибдовъ.

Рис. К. Груса.

КРУГЪ ИСТОРИИ ЗАВЕРШЕНЪ.

Всѣмъ! Всѣмъ! Всѣмъ!

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ.

(Классное сочиненіе Л. Аркадскаго).

А. Вступленіе.

Исторія насъ учитъ. Такъ напримѣръ защита Леонидомъ Фермопильскаго ущелья показываетъ какъ нехорошо ходить безъ дѣла съ большимъ войскомъ по узкимъ мѣстамъ, особенно персамъ. Не персамъ тоже. Описаніе битвы при Калкѣ учитъ насъ, что побѣдитель всегда можетъ пообѣдать на побѣжденномъ, какъ при согласіи того, такъ и безъ согласія, при одномъ лишь условіи, чтобы побѣжденный былъ сверху заваленъ досками, а побѣдитель не стѣснялся. Историческія произведенія искусства тоже учатъ. Такъ напримѣръ, если мы прочитаемъ нашихъ русскихъ поэтовъ и писателей, то въ ихъ произведеніяхъ мы найдемъ много общаго съ той жизнью, какой живетъ Россія въ настоящее время, сообразно вкусамъ своего народа.

Б. Измѣненіе.

Опытъ независимаго обращенія съ послами союзныхъ имперіалистовъ далъ Алексѣй Толстой въ пьесѣ „Смерть Ивана Грознаго“, въ той сценѣ, гдѣ Грозный обращается къ польскому послу съ рѣчью, начинающейся такъ:

— Да ты забылъ собака, что предъ тобой не избранный народъ? Помазанника Божья смѣешь звать ты въ поле? Я поле дамъ тебѣ... Зашитаго тебя въ медвѣжью шкуру, велю я въ полѣ псами затравить...

Послѣ это Грозный даже бросаетъ въ посла большимъ деревяннымъ топоромъ, оклееннымъ серебрянной бумагой. Такое обращеніе съ наймитомъ имперіалистовъ значитъ было возможно и при самодержавномъ строѣ. Другое художественное произведеніе—пѣсня „Изъ-за острова на стрежень“, учитъ насъ какъ еще въ прошлыхъ вѣкахъ производились идеи всеобщаго дѣлежа, уничтоженія привиллегій и избіенія тогдашней мѣстной интеллигенціи правозвѣстникомъ новаго порядка вещей Стенькой (Степанъ Ермолаевичъ) Разиннымъ. Такъ мы видимъ, что въ чисто служебныхъ обращеніяхъ официальное званіе—товарищ—уже тогда казалось слишкомъ сухимъ и было замѣнено болѣе интимнымъ и ласковымъ. Такъ Разинъ обращается непосредственно къ своему помощнику Филькѣ:

— Эй ты, Филька, чортъ пляши.

Цѣнность человѣческой жизни въ моменты переворотовъ опредѣляется какъ разъ въ томъ-же произведеніи. Бросивъ въ Волгу княжну, Разинъ недоумѣвающе обращается къ своимъ подданнымъ по поводу ихъ молчанія:

— Что жъ вы черти приуныли?

И какъ бы подчеркивая отвѣтственность момента, предлагаетъ почтить смерть по исконно-русскому обычаю:

— Грянемъ братцы удалую на поминъ ея души.

„Удалая“, послѣ чужой смерти встрѣчается очень часто вообще въ русской послѣдующей исторіи.

Чрезвычайно мѣтко поэтъ Пушкинъ отмѣтилъ переносъ столицы въ Москву, благодаря близости занятыхъ шведами аландскихъ острововъ, слѣдующей пророческой фразой:

— Отсель грозить мы будемъ шведу.

Конечно въ нѣкоторыхъ художественныхъ произведеніяхъ жизнь очень искажена и онѣ ничему не учатъ. Такъ въ произведеніи тов. Жуковскаго „Ночной смотръ“ есть такое неправдоподобное описаніе арміи и команднаго персонала:

Онъ медленно ѣдетъ по фронту (?);

И маршалы (!) ѣдутъ за нимъ,

И ѣдутъ за нимъ адъютанты (?)

И армія честь отдаетъ (!).

За то въ большинствѣ изъ нихъ много поучительныхъ примѣровъ. У новыхъ поэтовъ, напримѣръ у А. Сологуба есть мѣста прекрасно описывающія современное намъ прудовольственное состояніе:

— И чего искать

И куда идти?

Не могу понять,

Не могу найти!

Будущее поколѣніе научится понимать состояніе гражданина Россіи ежевечерно по такому стихотворенію этого-же автора:

Не стоитъ-ли кто за угломъ?

Не глядитъ-ли кто на меня?

Посмотрѣть не смѣю кругомъ

И зажечь не смѣю огня.

Стихотворенія же другихъ нашихъ современниковъ, наоборотъ, представляютъ изъ себя лишь историческія воспоминанія о прошлыхъ вѣкахъ. Такъ стихи Блока.

— Въ голубой далекой спальнѣ
Твой ребенокъ опочилъ.

Тихо выльзъ карликъ маленький
И часы остановилъ—

чистѣйшей анахронизмъ. Всѣ прекрасно знаютъ, что голубья спальни теперь реквизированы какъ пустующія помѣщенія, дѣти перемерли отъ голода, а обязанности домашнихъ гномовъ приняли на себя, со всѣми остальными функціями, домовые комитеты. Точно такъ-же можетъ вестись въ заблужденіе и Бальмонтъ своимъ стихотвореніемъ:

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни

Уходящія тѣни погасшаго дня.

Всѣ знаютъ, что теперь никто не станетъ ловить тѣни уходящаго дня, да еще такимъ непрочнымъ приспособленіемъ, какъ мечта. Наоборотъ—день прошелъ, не ограбили, не зарѣзали—и слава Богу. Однимъ днемъ меньше.

В. Заключение.

Художественныя произведенія насъ учатъ.

Л. Аркадскій

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯДЪ И УДИВЛЕНІЕ.

(Фельетонъ Мэффи).

Теперь, когда отъ громадной ни начто не годной и никому не нужной Россіи осталась одна только такъ называемая „передышка“ (la péredichka russe), занимающая на картѣ приблизительно столько же мѣста, сколько занимала Удѣльная Русь (Русь а не Россія), пріятно оглянуться назадъ, бросить торжествующій взглядъ на пройденное пространство и вспомнить главнѣйшіе этапы нашего пути.

Русскій человѣкъ исторіи своей не любитъ и знаетъ ее ровно настолько сколько, нужно чтобы его переволакивали за уши изъ класса въ классъ. Но знанія эти долго голову не засоряютъ.

Помню я, какъ одинъ старый генералъ спрашивалъ:

— Что это такое Всеволодъ. Большое гнѣздо? Вотъ выкинула память, а изъ какой оперетки и вспомнить не могу.

Да. Русскій человѣкъ родной исторіи не знаетъ.

Спрсите любого актера, врача, присяжнаго повѣреннаго, дантиста, инженера, тенора, репортера, фабриканта. Что они помнятъ изъ русской исторіи?

Не спрашивайте ихъ. Я вамъ лучше самъ расскажу, что они помнятъ.

Прежде всего:

„Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами“.

И пришли варяги. Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ.

Потомъ кто то всѣмъ въ посрамленіе открылъ, что былъ всего одинъ Рюрикъ, а „Синеусъ и Труваръ“ вовсе не имена, обозначеніе на какомъ то туземномъ языкѣ „съ чадами и домочадцами“. Да, это правда: почему рюриковичей сколько угодно, а ни синеусовичей, ни труворичей ни одного нѣтъ?

Ну, а потомъ что?

Потомъ—Кіевъ, а слѣдовательно Кій Щекъ и Харивъ. Причемъ, кажется, Щекъ и Харивъ тоже оказались „со чадами и домочадцами“, или „со бѣльемъ и мебелью“. Потому что городъ-то Кіевъ есть а ни Хоривова, ни Щекова нѣтъ.

Потомъ—Аскольдъ и Диръ. Аскольдъ извѣстенъ оперой „Аскольдова Могила“. Диръ же очевидно тоже чадо и домочадо.

Потомъ откуда ни возмись скивалоть Олегъ, о которомъ извѣстно, что онъ „какъ нынѣ собирается“, потомъ какія то лисицы съ сѣрой на хвостахъ, Святославъ потому что говорилъ столь эффектно цитируемую за карточнымъ столомъ фразу „иду на вы“. Потомъ выскакиваемъ откуда—что Святополкъ, выскакиваетъ очевидно потому, что у него прозвище ругательное „окаянный“ и иначе не выскочить бы ему вовѣкъ.

Затѣмъ наступаетъ непріятнѣйшій для каждого гимназиста періодъ: татары.

Татары накладываютъ иго, а завтракаютъ на доскахъ, подъ которыя кладутъ русскихъ.

Тутъ дѣйствительно чортъ ногу сломить. Умирали, воевали, убивали, выкалывали глаза. Безтолочь такая, что хоть плачь! Да еще хронологія! Увѣрю васъ—спросите любого балетмейстера—онъ вамъ скажетъ, что Владиміръ Святой и былъ Мономахъ. А Мономаха всѣ знаютъ, потому, что у него „тяжела шапка“.

Свѣтлымъ лучомъ врывается въ эту тусклую муть Марса Посадница.

— Ха-ха! Здоровая должно быть была баба!

Потомъ Софья Палеологъ съ двуглавымъ орломъ, который сейчасъ признанъ контръ-революционнымъ врагомъ народа.

Наконецъ Іоаннъ Грозный! Тутъ раздолье. Опера. Стихи. Рѣпинъ. Опричина. Князь Серебряный. Шалапинъ. Псковитянка.

Ну словомъ дѣло извѣстное. Были у него еще и завоеванія какія-то. Но тутъ ужъ трудно разобратся.

Потомъ Борисъ Годуновъ. Гуманенъ, а потому подозрителенъ. Опять стихи опера. Какія-то завоеванія.

Потомъ Дмитрій Самозванецъ.

„Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь!.. Она! Вся кровь во мнѣ остановилась!“

Словомъ Дмитрій Самозванецъ это тотъ который „сцена у фонтана“.

Это даже младшій помощникъ аптекаря знаетъ.

Смутное время, гладь и моровая язва. Народъ ликуетъ и цѣлуетъ крестъ Самозванцу—Да здравствуетъ нашъ Царь Дмитрій Самозванецъ!

Самозванецъ добръ и гуманенъ а потому не внушаетъ народу довѣрія.

Потомъ Тушинскій воръ.

Гладь и моровая язва. Цѣлуетъ крестъ Тушинскому вору.

Тутъ же цѣлуютъ подвернувшійся крестъ польскаго Владислава.

Потомъ Мининъ и Пожарскій; о нихъ знаютъ благодаря ихъ предложенію заложить женъ и дѣтей а также благодаря тому, что ихъ больше на Руси не бывало.

Потомъ домъ Романовыхъ.

Начала никто не знаетъ. Гладь и моровая язва.

Потомъ Петръ Великій. Основалъ Петербургъ. Пробылъ окно въ Европу. Изъ окна насквозило. Вышла бѣда.

Потомъ Екатерина Первая, которую многіе сливаютъ воедино со Второй, потому что обѣ были толстыя.

Послѣ Екатерины Первой, гладь и моровая язва, тетка, дядька, племянники, дочь Петрова, княжна Тараканова, Іоаннъ Антоновичъ, некрещенные младенцы, неотпѣтые покойники, Биронъ, ссылки. Потомъ Екатерина Вторая, хоть нѣмка но почему то матушка.

Пугачевъ. Бунтъ мужицкій. Цѣлованіе креста и царицъ-матушкѣ и Пугачеву-батюшкѣ. Но Пугачевъ несъ свободу, а потому былъ подозрителенъ, а Екатерина прикрѣпляла къ землѣ и потому оказалась матушкой. Потомъ пошли деньщики, временщики, ссылки и фаворы.

Были какія то завоеванія, да кто ихъ упомянуть какія именно.

А потомъ Павелъ. Ссылка, казнь, гладь и моровая язва.

Потомъ Александръ. Гладь и моровая язва. Нашествіе французовъ. Пожаръ Москвы отъ копеечной свѣчки.

Николай. Шпицрутены.

Александръ Второй. Революционеры. Освобожденіе крестьянъ, чему сіе послѣдніе не очень-то радовались.

— Ишь, говорили, какой ловкій! Освободилъ, а кто теперь о насъ позаботится.

Гладь и моровая язва.

Александръ Третій. Любилъ гречневую кашу. Установилъ праздникъ крушенія собственнаго поѣзда.

Гладь и моровая язва.

И Николай II.

Гладь и моровая язва.

Вотъ что знаютъ изъ русской исторіи русскіе средніе люди.

И довольно. Пусть скорѣе и это забудутъ.

Сусанинъ: — Чую-ю-тъ Пра-а-вду...

Рис. Б. Антоновскаго.

ГОРЫ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Рис. Б. Антоновскаго.

1. Русскаго солдата видѣли на Альпахъ.

2. На Балканахъ.

3. И на Карпатахъ.—

4. Теперь его чаще всего можно видѣть на „американскихъ горахъ“.

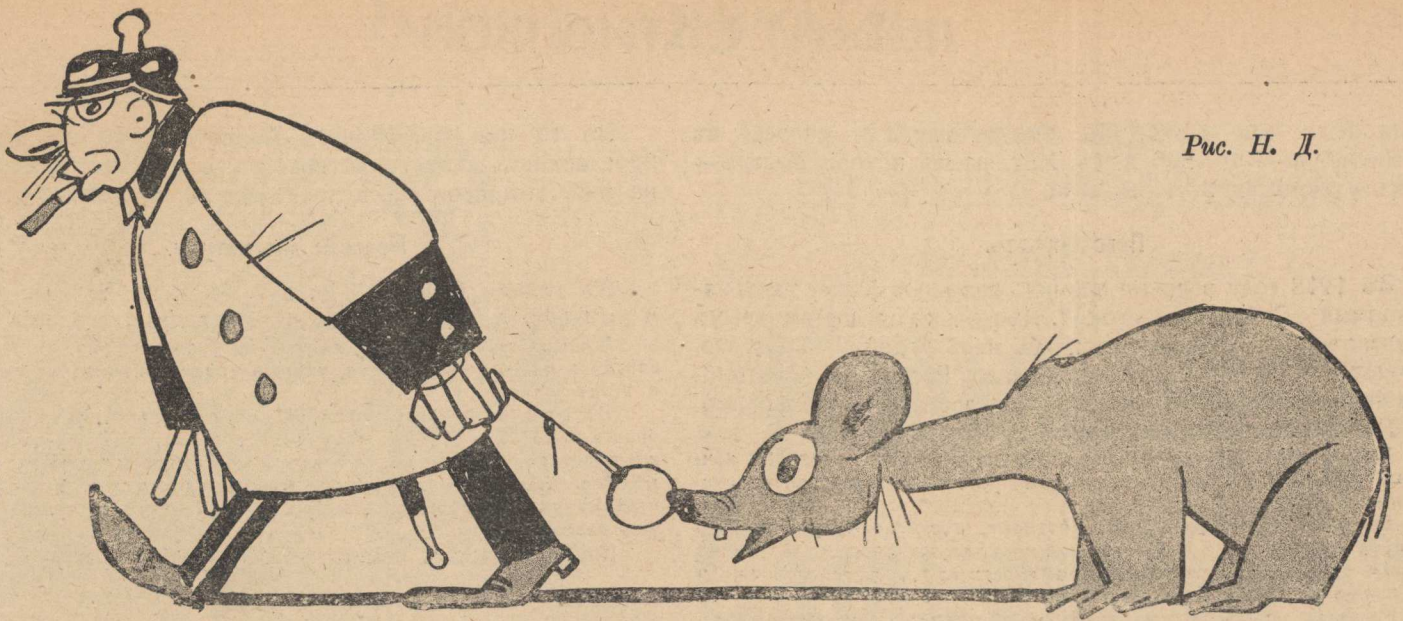

Рис. Н. Д.

Посмотришь на карту и удивляешься. Все больше гладь, да язва. А вот почему-то сдѣлалась Россія, слѣпилась, сцѣпилась въ кучу собралась и срослась. Одна большая, могучая, вся еще недавняя, неприрученная, мохнатая.

Изучали ее иностранцы, но подступали съ опаской. А заграничные жабы хвастались:

— Я, знаете-ли люблю Россію.

Это звучало вродѣ:

— Я люблю сырой картофель.

Оригинально и забавно.

Россія! Свѣжая икра! Толстой и Достоевскій. Русскій балетъ!

— Я, знаете-ли, люблю Россію.

И покупала французскіе духи „Prince Igor“.

И вдругъ какой то лукавый дьяволъ воткнулъ палочку гдѣ то около Москвы и завертѣлъ Россію вихревымъ волчкомъ.

— И—и—ихъ!

Летятъ куски какъ брызги въ разныя, стороны.

Крымъ! Кавказъ! Польша! Малороссія! Литва! Финляндія! Прибалтійскій край! Сибирь! Казань! (И—и—ихъ!) Еще! еще! Города! Моря! Рѣки! Царства! Княжества! Вольныя земли! Еще! Еще! Скоро одна палка останется...

Тэффи.

ТИПИКИ.

Феодоръ Іоанновичъ.

Царь Феодоръ Іоанновичъ
Молился и днемъ и на ночь,
И въ полночь, и въ полдень.
Была-ли икона, или пень,
Передъ всѣмъ класть поклоны
Былъ радъ,
А народъ созерцалъ толстый задъ
И парчевыя панталоны.

Петръ Великій.

Взвивъ коня надъ самой кручей,
Петръ Европу русскимъ несъ.
Умеръ онъ—и вновь онучей
Валяка третъ сопливый носъ.

Екатерина II.

Зрятъ народы зело радостную картину.
Матушка царица на тронъ, а надъ ней лучей снопы.
А ночью и Екатерину и Екатерину перину,
Засыпали дворянскіе клопы.

Павель I.

Павель,
Былъ исключеніемъ изъ всѣхъ правилъ.
И такъ Россіей здорово правилъ,

Что даже сынъ не выдержалъ этой кары Господней,
И познакомилъ папашу съ преисподней.

Александръ I.

Отправивъ папеньку dahin
Паленскою руцей,
Бѣгалъ этотъ палладинъ,
Отъ конституціи до экзекуціи,
Отъ казуистики до мистики.
За что и былъ наказанъ строго:
Умеръ на лонѣ не Петрограда, а Таганрога.

Николай I.

Европу одѣлъ въ костюмъ жандарма,
И по мордѣ билъ всѣхъ сплеча.
Не имѣлъ никакого шарма,
Кромѣ шарма палача.
При немъ Русь жила въ крови и въ навозѣ.
Тумаки только и лопала,
Умеръ, конечно, въ Бозѣ
Послѣ Севастополя.

Александръ III.

Соваль губы во щи,
Вытиралъ ихъ о мощи.
Любилъ химію,—мѣшалъ съ водкой ромъ.
Развлеченіе—еврейскій погромъ.
Чтеніе—письмовникъ,
А скипетръ—уполовникъ.

Николай II.

Какая ужъ тутъ характеристика,
Думали удавъ, а оказался слабѣ глистика.

А. Радаковъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

(Историческія).

Брынскіе лѣса.

Въ 1918 году невозможность посылать письма и депеши еще продолжаетъ носить названіе „почты и телеграфа“. Отсутствіе возможности поѣхать куда-нибудь лично современниками называется—пути сообщенія. Для историка чрезвычайно цѣнно слѣдующее сообщеніе, напечатанное въ „Нашемъ вѣкѣ“ отъ 1/14 марта 1918 г.

Насъ просятъ напечатать: „Довѣренное лицо ѣдетъ на-дняхъ по дѣламъ службы въ Ростовъ-на-Дону. Вернется обратно черезъ двѣ недѣли. Можетъ взять съ собой письма и всякаго рода порученія.“

Для иностранцевъ все-же необходимо знать, что въ эпоху Василія Темнаго и Іоанна III общеніе между горо-

дами было еще хуже. Мы быстро шагнули вперед в какие нибудь 400—500 лѣтъ. Ходъ нашей исторіи быстръ—какъ утверждаетъ Иловайскій.

Просвѣщаютъ.

Въ 1918 году впервые принялъ реальную форму такъ называемый „Свѣтъ съ востока“. Нѣсколько предприимчивыхъ потомковъ самураевъ сжалились надъ родиной Толстого, Менделѣева и Мечникова и повели Россію на путь просвѣщенія и гуманизма—черезъ Владивостокъ порто-франко.

По сообщенію „Петроградской Газеты“.

Изъ города Цуруги прибылъ во Владивостокъ японскій почтовый пароходъ съ большими тюками русской литературы, отпечатанной въ Токио.

Въ листкахъ и брошюрахъ, которые, вѣроятно, будутъ широко распространены среди русскаго населенія, говорится о „культурной“ миссіи Японіи, которая намѣрена внести порядокъ, спокойствіе и улучшение на Дальнемъ Востоке и въ Сибири.

Радость современниковъ, получившихъ возможность отдохнуть послѣ Тургенева и Чехова на красоткахъ японской литературы, не поддается описанію. Дипломаты слѣшно разыскиваютъ пункты тайныхъ договоровъ, по которымъ Японія обязана кромѣ заботы по занятію Сибири, взять на себя еще отвѣтственную задачу образованія Россіи.

Русь! Что лучше и что краше!

Нравы и обычаи древне-славянскихъ племенъ до удачнаго потопленія Перуна просто и ярко описываются мартовскими газетами 1918 года. Обычаи эти носятъ особый колоритъ свѣжести національной психологіи и оригинальной юрисдикціи.

Вотъ выдержки изъ одного номера официальной газеты:

ВОРОНЕЖЪ. По постановленію мѣстныхъ властей введена смертная казнь по отношенію къ ворами и грабителями. Вчера казнено трое.

КАЗАНЬ. Въ Свіяжскомъ уѣздѣ, по постановленію схода, на костръ сожжены четверо крестьянъ. Казнь состоялась въ присутствіи всей волости.

БАРНАУЛЬ. Сюда сообщаютъ, что въ маленькомъ уѣздномъ городѣ Барнаполѣ на соборной площади состоялась казнь трехъ подростковъ, уличенныхъ въ кражѣ. Всѣмъ тремъ, въ присутствіи многочисленной толпы, отрублены головы. По постановленію суда четвертый долженъ былъ подвергнутъ пыткамъ.

Мягкость славянской души можетъ тронуть самое черствое сердце. Ботокуды, на примѣръ, преступниковъ просто съѣдаютъ.

Республика а-ля-фуршетъ.

Французскіе министерства, иногда покидающія свои посты послѣ двухнедѣльнаго правленія, прямо—Мафусаилы по сравненію съ долговѣчностью нашихъ республикъ, какъ на примѣръ, Минская.

Газета „Вечерній Часъ“ помѣщаетъ подробную прагматическую исторію этой республики, причемъ вся исторія ея занимаетъ ровно $\frac{1}{8}$ часть газетнаго столбца.

Въ Минскѣ просуществовала одинъ день бѣлорусская республика. Наступленіе нѣмцевъ на западномъ фронтѣ началось въ понедѣльникъ, 18-го февраля; во вторникъ правительство западной области оставило городъ, а ночью была восстановлена бѣлорусская рада, при чемъ принято было постановленіе о провозглашеніи бѣлорусской республики, въ составъ которой включены были Минская, Могилевская, Гродненская, часть Витебской и часть Ковенской губерній.

Утромъ углы улицъ покрылись многочисленными воззваніями за подписью предѣдателя бѣлорусской центральной рады Боронкова.

— Западная область перешла въ руки ея хозяина,—говорилось въ воззваніи,—вольнаго бѣлорусскаго народа.

На улицахъ появились отряды „бѣлорусскихъ“ войскъ. Надъ общественными зданіями подняты были бѣлорусскіе національные флаги. Но, увы, бѣлорусская республика существовала до вечера.

Къ вечеру прибыли польскія войска, представители которыхъ заявили бѣлорусскому коменданту, что между легионерами и наступающими германцами установленъ полный контактъ.

Войскамъ отданъ былъ приказъ разоружиться, и бѣлорусской республики не стало.

Историкъ такой республики можетъ со спокойной совѣстью написать:

— Большинство современниковъ въ этотъ день были заняты очередной работой и республики не замѣтили, четыре очевидца уѣхали въ другой городъ, что-же касается меня, то я былъ въ гостяхъ у тетки и зналъ все только со словъ кухарки.

Вѣнокъ на могилу Гуттенберга.

Книжная Палата съ душевнымъ прискорбіемъ сообщаетъ, что

Въ настоящее время по всѣмъ отраслямъ знаній печатается въ Россіи книгъ не болѣе, чѣмъ въ XVI-томъ вѣкѣ.

За то при Временномъ Правительствѣ на весь мѣръ прославилось одно издательство, выпускавшее ежедневно на миллионы печатныхъ произведеній: Монетный дворъ.

Новости литературы.

Въ той-же Книжной Палатѣ былъ прочитанъ докладъ о побѣдкѣ А. С. Полякова въ Восточныя губерніи.

Докладчикъ нарисовалъ яркую картину разгрома, которому подверглись частныя бібліотеки, ученныя архивныя комиссіи, памятники и т. д.

Въ домѣ пензенской архивной комиссіи напр., устраиваютъ собранія и митинги солдаты мѣстнаго гарнизона, всюду грязь и папиросные окурки, часть нумизматической коллекціи собрана въ какой то мѣшокъ. Золотыя и серебряныя монеты расхищены. Урны, въ качествѣ ненужныхъ горшковъ, выброшены въ какой то чуланъ и часть ихъ разбита.

Каждый народъ веселится какъ можетъ и умѣетъ.

Русскій рынокъ.

Эту волчью ягоду мы посылаемъ, какъ вѣнокъ на могилу славнаго автора „Хижина дяди Тома“—Бичеръ-Стоу. Распространенная въ десяткахъ тысячахъ экземпляровъ въ Россіи, ея книжка нашла своеобразный откликъ въ наши суровые дни въ читательскихъ сердцахъ.

По словамъ „Новой Жизни“, за послѣднее время на нѣсколькихъ транспортахъ въ Феодосію прибыли съ кавказскаго фронта войска, эвакуируемая вглубь Россіи. Велико было изумленіе феодосійскихъ гражданъ, когда на берегъ, вмѣстѣ съ войсками и ихъ боевымъ имуществомъ, стали высаживаться женщины въ яркихъ восточныхъ костюмахъ. Какъ выяснилось изъ разговора съ солдатами, женщины эти были приобрѣтены на кавказскомъ фронтѣ и нынѣ принадлежатъ своимъ хозяевамъ на правѣ собственности.

Это право владѣльцы воспользовались въ самомъ первобытномъ видѣ. Едва прибывъ въ Феодосію, они начали открыто продавать своихъ рабынь. На базарѣ былъ открытъ специальный невольничій рынокъ, гдѣ съ возовъ и специальныхъ эстрадъ, для большей наглядности, была открыта торговля невольницами. Цѣна не превышала 100—150 руб. за рабыню.

Съ прибытіемъ новыхъ партій рабынь, цѣна стала падать и за послѣдніе дни рыночная цѣна рабыни равнялась не болѣе 25—30 руб.

Раскупившіе привезенныхъ женщинъ туземцы стали массами предлагать ихъ мѣстнымъ жителямъ и дачникамъ въ качествѣ наемной прислуги, съ весьма циничной для рабовладѣльцевъ оговоркой о взносъ наемной платы исключительно хозяевамъ.

Докатились...

ЗАЙЦЫ ВЪ ИСТОРИИ.

Не штука—зайцемъ попасть въ трамвай,
Въ вагонѣ устроиться перваго класса—
Проѣхалъ и конечно, въ толпу ступай
И въ ней растворяйся—на то она—„масса“...

А вотъ попробуй пролѣзть туда—
Въ жилище музы исторіи Клію,
Тамъ гений, сила и слава всегда
Разыгрываютъ божественное тріо.

И вашъ братъ, заяцъ, влетитъ подъ шумокъ—
Такой обалдѣвшій, разстрепанный—Случай...
Сидитъ въ домѣ Клію, плюетъ въ потолокъ,
А хозяйка глядитъ нахмуренной тучей.

Кругомъ все знаменитыя лица сидятъ,
Кому—сто лѣтъ, кому—пятьсотъ и болѣ,
И зайцы тутъ же устроились врьдъ,
И въ вѣнокъ безсмертный листокъ вкололи.

Дѣваться некуда отъ ихъ озорства—
Дѣять съ чужихъ тарелокъ, путаютъ ложки,
Историческія произносятъ слова,
И съ пола съ жадностью подбираютъ крошки.

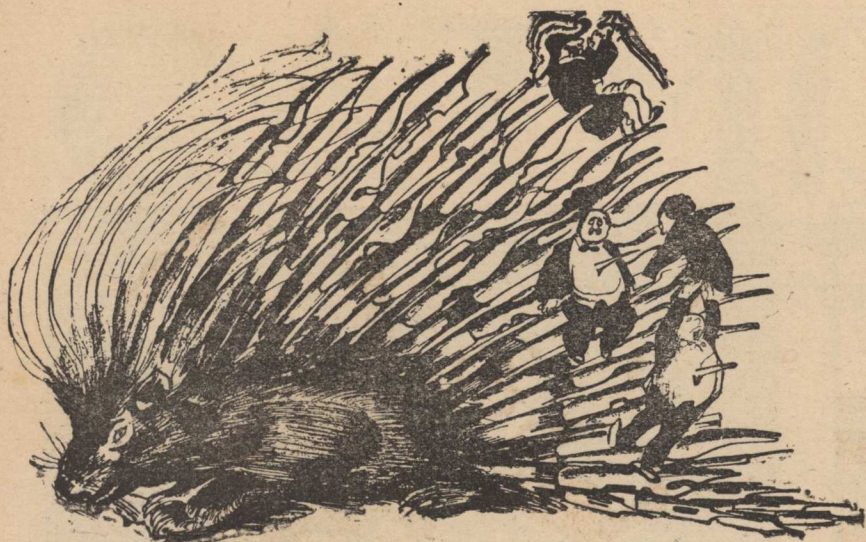
Плюется со злости великихъ синклитъ,
Ругаетъ зайцевъ отборною бранью,
А Клію бѣдняжка на иголкахъ сидитъ
И нѣтъ предѣла ея страданью...

А. Флитъ.

Редакторъ: А. Т. Аверченко.

Издатель: Т-во „Н. Сатириконъ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Тел. 59-07.

6-й годъ изданія
ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1918 годъ.

„Новый Сатириконъ“.

Годовымъ подписчикамъ будетъ дано:

52 №№ обильно иллюстрированного
журнала въ краскахъ.

2 цѣнныхъ преміи (бесплатно).

Между прочимъ редакція „Нового Сатирикона“ получилъ отъ издательства „Новый Сатириконъ“ слѣдующее письмо:

Письмо въ редакцію.

Позвольте черезъ посредство вашего уважаемого журнала огласить слѣдующій вопіющій фактъ: Вчера въ ресторанѣ „Яръ“ неизвѣстный молодой человекъ, плотно пообѣдавъ, пытался проколоть себѣ горло двузубой вилочкой, подаваемой къ сыру.

Спрошенный о причинѣ этого страшнаго намѣренія, онъ объяснилъ, что, прочтя нѣсколько газетъ и не найдя ни въ одной изъ нихъ объявленія о подпискѣ на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ,—онъ рѣшилъ, что жизнь сѣра, что жить болѣе не стоитъ, почему и пытается привести въ исполненіе свой ужасный замыселъ.

Опасаясь, что безотраднѣйшій поступокъ печальнаго молодого человека найдетъ массу подражателей и эпидемія самоубійствъ на этой почвѣ пойдетъ вширь, вглубь, вкривь и вкось — мы считаемъ своимъ гражданскимъ долгомъ оповѣстить всѣхъ скептиковъ и ипохондриковъ, что подписка на журналъ „Новый Сатириконъ“ на 1918 годъ принимается по адресу: Невскій, 88, годовая цѣна съ двумя преміями—30 руб., полугодовая—половину.

Что же касается несчастнаго молодого человека, то его удалось спасти, что симъ и подтверждаемъ

Издательство „Новый Сатириконъ“.

* * *

Ввиду того, что частныя объявленія нынѣ запрещены, — мы даемъ мѣсто вышеприведенному письму, сопровождая его слѣдующей подробностью:

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

за 12 мѣс. (съ преміями) — 30 руб.,
за 6 мѣс. — 15 руб., за 3 мѣс. — 7 руб., 50 коп. и за
1 мѣс. 2 руб. 50 коп.!

Адресъ редакціи и конторы:

Петроградъ, Невскій пр., 88. Телеф. 59-07.

Хоть при пересылкѣ за границу стоимость журнала, обыкновенно, повышается, но мы посылаемъ журналъ въ Украину, Сибирь, Кавказъ, Финляндію и др.—по той же цѣнѣ. Чихать намъ на такую границу!

Издательство.

1940 г.
Д. Арт № 19130

ИСТОРИЧЕСКИЯ ЦИТАТЫ — КСТАТИ.

Рис. К. Груса.

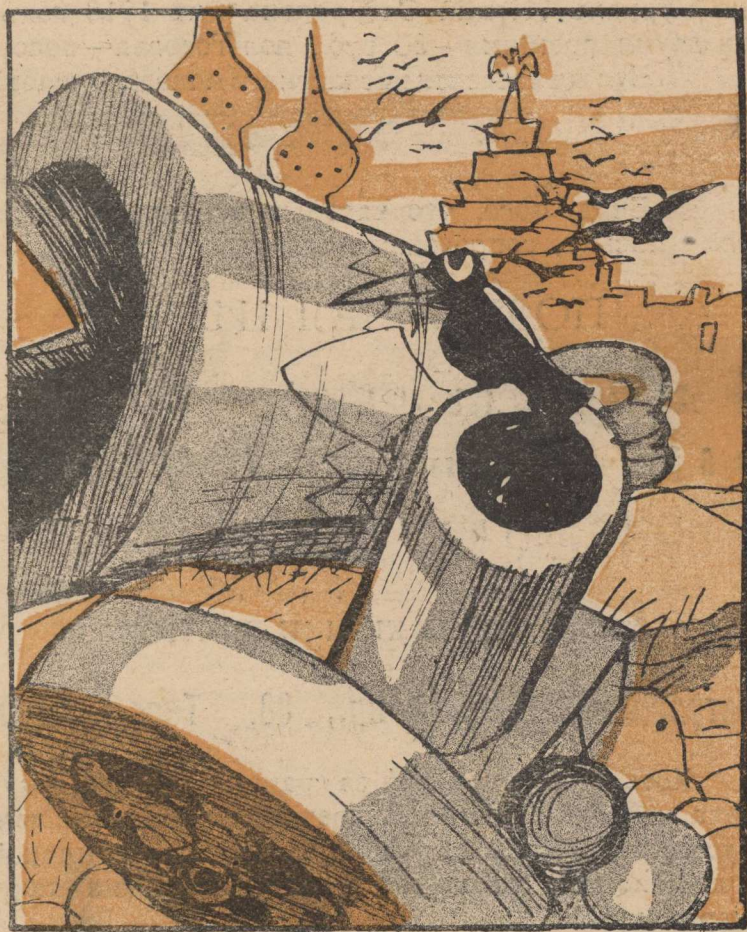
1. Горитъ Востокъ зарею новой...

2. Тиха Украинская ночь...

3. Отсель грозить мы будемъ шведу...

4. Кто царь-колоколъ подниметь, кто царь-пушку повернетъ?...